

9. Лосев А. Ф. Символ // Философская энциклопедия Т. 5. М., 1970.
10. Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия Т. 7. М., 1973.
11. Мукаржовский Я. Искусство как семиологический факт // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 196–198.
12. Там же.
13. Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987; Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
14. Лотман Ю. М. Искусство жизни // Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII– начало XIX века). М., 1994.
15. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

Б. Г. СОКОЛОВ

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет*

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ И «АРКТИЧЕСКАЯ ИСТЕРИЯ»

Современная реальность конституируется по совершенно новым стандартам и параметрам. Процедуры, которые осуществляют перекодировку реальности, основаны на первоначальном расщеплении «классической» реальности на а-иерархические сегменты образования с последующей сборкой по новым стандартам кластерного пространства и трансляцией новых образований в глобальный вид. Подобная модель разборки и сборки реальности прослеживается в статье на материале художественного проекта «Арктическая истерия». *Ключевые слова:* расщепление реальности, глобализация, кластерная реальность, медиа, сборка, современное искусство, медиарт

Цитата из интернета, для «затравки». Честно скажу, не знаю, кто автор этого «шпэ-дэвра», да и не суть. Наткнулся случайно на одной странице социальной сети «ВКонтакте» и с нее и воспроизвожу, не озабочиваясь сильно «авторскими правами» на подобный образчик.

**В гол(ове мое й опил ки НЕ ЗЕДА,
потом [у что] [блонд инка Д А ДА**

Так, к слову: на этой же страничке пользователя (вернее пользовательницы, хотя в ситуации Интернета половая идентификация — вещь довольно сомнительная) были представлены и другие образцы расчленения-расщепления не только текста, но и фотографий, картинок и пр. Мне это показалось не только забавным, но и довольно показательным: сам способ «анализа», призванного, как известно, расщеплять на блоки, следуя завету Р. Декарта сводить все сложное к «атомарно-простому». «Прикол» в «неправильной», «нетрадиционной» разбивке на фрагменты-блоки. Предложение разбивается не на буквы или звуки, но графически на «квадраты»-осколки написан-

ного, как будто кто-то уронил и разбил стекло с подобной надписью. Своеобразная игрушка-пазл, расщепляющая картинку на «неузнаваемые» блоки, из которых, конечно, попотев, можно собрать изначальную картинку. Забавно в приведенной «картинке» то, что разбивка на фрагменты идет не по правилам грамматики или синтаксиса, т.е. привычного, «веками проговоренного» и авторитетного дискурса, а осуществляется по другим, кстати, вполне логичным, внятным и даже «законообразным» правилам. Но эти правила и логика вступают в противоречие с традиционной моделью, с помощью которого и был «изначально» собран сей «шэдэвр поэтического искусства». Он напомнил вполне внятную и симпатичную мне стратегию текстового анализа, которая была прописана еще в прошлом веке Р. Бартом в его «S/Z», где французский мыслитель «разбирает» текст на блоки, называемые им лексиями. Само членение на лексии довольно условно и произвольно, и, в принципе, каждый раз один и тот же текст может быть разобран одним и тем «герменевтом» по-разному, ведь «объем» лексии определяется на «глазок» — чтобы в ней было несколько смысловых позиций. В результате подобной процедуры мы получаем рассыпавшийся текст, на обломках которого торжественно «восседают» пять кодов, собственно и ткущих ткань любого литературного текста. Формально то же самое происходит в «нашем» стихе — он также разбирается, правда вместо смысловых блоков-лексий, мы получаем бессмысленные с точки зрения «правописания» и «грамматики» осколки, соединяемые «машиной для сборки», но «машиной» из другой «оперы», в данном случае «машиной визуальной сборки».

Но вот загвоздка — не всегда удастся собрать, особенно если какой-нибудь фрагмент утерян или невидим по причине непонимания, в подобных сценариях, т.е. тогда, когда «осмысленное» целое изначально существовало. Или собрать «неправильно», например, расставить блоки в совершенно другом порядке. Но все это относится к играм, даже если это «игры разума». Насколько указанный сценарий «сборки» применим к сборке реальности.

Реальность можно «собрать», и можно собрать по-разному, хотя то, что, как правило, говорится по поводу реальности и ее сборки — настраивает на совершенно иной лад. Без сомнения, вроде мы не выбираем как видеть и что видеть в том мире, который нас окружает, и чаще всего ситуация напоминает изгиб ложки в стакане чая — мы видим ее изгиб, которого нет. Чтобы убедиться в том, что излома нет, можно вытащить ее из стакана: вот она, в полной и аутентичной сохранности. Но стоит погрузить ее обратно, как с навязчивостью, опровергающей весь наш опыт относительно того, что такое эта конкретная вполне себе «несломанная» ложка, она опять принимает изогнутый вид. Я знаю, что она не изогнута, но вижу ее изогнутой, ибо трудно допустить, что это — коварство неживого предмета, который вдруг сам по себе, погружаясь во вполне себе нейтральную для него жидкость сначала изгибается, а потом, будучи вынутым, снова выпрямляется. Объяснения о преломлении света в различных средах и возникающих по этой причине «оптических» обманах не очень впечатляют: как известно, наше зрение очень быстро справляется с более сложными задачами по перекодировке реальности: например переворачивает изображение на хрусталике, делает из плоскости объем и т.п. Приспособились бы, коли нужда особенная была,

и к этой разнице в средах, чтобы не видеть «насмешливый» упрек непредсказуемости в виде обыкновенной ложки. Как говорил по этому поводу А. Шопенгауэр, данные, которые нам поставляет рассудок (а именно он видит-конституирует изогнутую ложку), даже если они ошибочны, настолько прочны, что, даже познав их ложность, мы все равно будем конституировать реальность «старым», ошибочным способом. Иными словами и коротко, даже если я знаю, что не «так», я все равно проживаю и собираю именно «так».

И с реальностью нас окружающей, кажется, также обстоит дело. Рассуждай — не рассуждай, итог все равно будет один и тот же: адресированные по одной модели мы будем апплицировать именно эту модель, даже если будем знать, что она не является верной или продуктивной. Отказаться от этой же модели — дело почти безнадежное, ибо с каждым нашим вздохом, жестом, мыслью и даже мыслью о ее неверности или ложности, мы ее, поскольку используем, удостоверяем и упрочиваем. Я думаю, что лишь довольно сильный экзистенциальный слом — а такое случается крайне редко и отнюдь не в массовом порядке — способен изменить модель оптики сознания и, соответственно, начать собирать реальность по-новому, а не делать бесконечные заплатки, лишь усиливающие старый способ сборки. А потому вопрос о сборке реальности, ее фрагментов, сегментов, вещей, инстанций и институций — вопрос скорее не «как изменить», а просто «констатация уже свершившегося и неизменного «факта» сборки.

Наверное, так оно всегда и было, даже если и случались декларативные попытки (знаменитая скомканная бумажка, ставшая «Тезисами о Фейербахе» К. Маркса, где говорится о том, что раньше-де философы в лучшем случае объясняли мир, а вот сейчас не худо бы его изменить) ее собрать по-новому и заново, то они не очень-то удавались, и пример марксизма, особенно в его российской версии, показателен и может быть суммирован знаменитой фразой уже покойного Виктора Степановича Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Хотели и хотят по-новому, но выходит-то все по-старому, ибо проект и будущее создаются не на базе нового, но прошлого и настоящего (которое, как известно по причине своей мгновенной неуловимости можно в расчет вообще не брать 😊).

Конечно, анализировать процесс объединения, параметры этого объединения, способы компоновки, связей, которые полагаются как конститутивные, необходимо, как необходим анализ смысла и значения, которые придаются как фрагментам, так и общему целому. Но этот анализ, оформляющийся как научное, философское и даже художественное произведение, также изначально отформатирован тем культурным горизонтом, в рамках которого он производится, а потому проясняет скорее этот горизонт, нежели то сущее, которое рассматривают. И, соответственно, смысл, значение, цели и т.п., которые выявляются в этом анализе, скорее инфицируют рассматриваемое сущее предзаданными схемами, которые, в свою очередь, не в меньшей степени произвольны и фундированы в общем культурном контексте.

Однако сейчас ситуация несколько (если не сказать кардинально) иная. И дело не в том, что мы получили доступ к изменению моделей существования, но в том, что та произвольность, с которой мы выбираем способ компоновки и сборки — вполне

рационально эксплицируемые, а потому могут быть произвольно изменены, выбраны или, наоборот, отбракованы. И связано это с процессами глобализации и тем, как эта глобализация происходит. А потому сначала проясним, что мы мыслим под глобализацией, тем более, что данный термин просто «заляпан» повсеместным и бездумным использованием и стал неким универсальным брэндом безмыслия о современности, когда пытаются как раз об этой современности мыслить.

Прежде всего, введем разделение, довольно простое и вполне традиционное для нашего времени, чтобы уловить специфику именно глобализационных процессов, т.е. то, что проходит под рубрикой «самое последнее», «самое актуальнейшее» в современности. Отличим колонизацию от иногда формально тождественных процессов глобализационного дрейфа. Очень черне и коротко. Колонизация — довольно древняя процедура расширения, захвата той или иной культуры новой почвы, новой «крови», рынков сбыта, труда и т.п. Суть процесса — при всех вариативных, связанных с той или иной культурой обыкновениях — в ассимиляции, в растворении аборигенного «субстрата», в переемке и колонизируемой культуры и сознания его носителей. Колонизация — это переформатирование колонизируемого. Происходить это может, конечно, по-разному и определяется конститутивными особенностями той или иной культурной традиции. Например, своеобразное отпочкование от метрополии в Древней Греции, когда возникший в результате эмиграции полис воспроизводил в своих конститутивах оптику метрополии (полис колонии и политически, и, главное, культурно выстраивался по тем же самым параметрам, что и «исходик»). Европейская колонизация так же проводила процесс ассимиляции, если же это не удавалось, то коренное население либо уничтожалось, либо загонялось, как США, в резервации. Колониальный проект в XX веке, конечно, несколько специфичен, так как вместо простого и незамысловатого завоевания (что, конечно, тоже имело место) европейцы предпочитали экономическую экспансию, изымая результаты труда и вводя выгодное для развитых стран систему «разделения труда и производства», когда на долю номинально уже бывших колоний, выпадала незавидная роль поставщика дешевого сырья и продуктов вредного производства. Подобная модель колонизации оказалась устаревшей уже к середине прошлого века, поскольку для нормального и эффективного производства в странах так называемого третьего мира было необходимо вырастить определенного сорта рабочего, сконфигурированного по европейской модели. Что, понятно, было невозможно в иных культурных контекстах, «выращивающих» своих, не очень приспособленных и ответственных рабочих со своей оптикой сознания, системой ценностей и т.п. А потому этот колониальный проект инстинктивно уступил место другому проекту. Распад колониальных империй, череда революций — это лишь означивание перехода к новой системе, системе экспорта не продуктов, а рабочей силы, принявшей вид иммиграции в метрополию. А сам парад суверенитетов лишь для наивного представал как бессилие сдержать порыв к свободе угнетенных (что, конечно, имело место, но являлось решающим аргументом, ибо военная мощь развитых стран только усилилась по сравнению с технологически отстающими армиями повстанцев), но ознаменовал лишь утрату интереса развитых держав и их элит к продолжению экономически неэффективного проекта. А потому и в пос-

ледние десятилетия осуществлялся другой сценарий — экспорт живой силы, которая, как предполагалось, ассимилируется и перекодируется согласно стандартам европейской культуры. Может оно так поначалу и было, пока не был превышен критический предел, когда иммигранты оказались уже не в «исчезающем» меньшинстве, но той массой, которую уже «аборигены» Европы не смогли ассимилировать и перекодировать под свои стандарты. Отсюда — хвала искренности г-жи Меркель — которая в затравленном политкорректностью обществе осмелилась заявить о крахе политики мультикультурализма, на деле оказавшейся не аппгрейт-версией колониализма, но колониализмом наоборот, ибо сейчас уже не совсем ясно кто, например, кого колонизировал — Франция Магриб или Магриб Францию. Да и может статься, что веками и многими миллионами европейцев отстроенное жизненное пространство, окажется тихо и без крови «завоеванным» пришлым населением преимущественно мусульманского вероисповедания.

В отличие от колониализма сценарий глобализации действует совершенно по-иному. Речь не идет об «экспорте» культуры и соответствующего типажа сознания в глобальном масштабе. Глобализационные процессы не означают гипертрофированную и глобальную колониализацию, хотя то, что первоначально происходит, может на первый взгляд напоминать «победоносное» шествие европейской культурной традиции. Дело в том, что глобализационной «разборке», а речь пойдет именно о разборке, расщеплению реальности на фрагменты и блоки, подвергается прежде всего и сначала сама западноевропейско-американская (по меткому но не очень краткому выражению О. Шпенглера) культурная традиция. Речь идет о следующем. Как «собрать» того человека, который был бы способен не просто экзистировать, но экзистировать по модели глобализации. В этом смысле, без всякого сомнения, процесс зарождается в развитых (читай европейскиотштампованных) странах. Но это уже другая, не европейская традиция, не европейская модель экзистирования, в реестр которой, кстати, и была заложена модель колониальной экспансии, агрессивная и в чем-то беззащитная модель самоутверждения, суть которой прекрасно тематизировал Фр. Ницше — воля к власти. Т.е. воля, преодолевающая волю, воля, компенсирующая сущностную безопорность новоевропейского субъекта процессом постоянного самоудоверения и расширения своего могущества и контроля.

Глобализационные процессы заложены в недрах европейской культурной традиции, но они же «проигрывают» свой сценарий, прежде всего, на самой европейской культуре. Речь идет о том, чтобы прежде всего разобрать и десегментировать осадки прежде сцепленной различными иерархическими скрепами единой системы. И мы можем сказать, что в авангарде этого разрушения выступала философская мысль и художественные практики, разбирающие и разбивающие прежде нерушимые основания. То, что говорилось о смерти Бога, субъекта, автора, книги, истории и т.п. — это запуск механизмов расщепления. Европейская традиция сама себя и разрушает, разбивая на блоки, с заботливой маниакальностью сначала тематизируя свои основания, чтобы затем их уничтожить, разобрав на фрагменты. Все это имеет следствием не просто научные хлопоты по поводу «судьбы», например, субъекта, но торпедируется в повседневных практиках, все больше и больше контролируемых авангардом гло-

бализации и шизоидного типа сознания — Интернетом: «субъект» уже не имеет истории, биографии, материально зримой собственности, денег, книг, но — идентификационный номер, виртуальный счет в банке, номер страхового свидетельства и т.п. Конечно, указанные идентификационные номера ссылаются на реальность, но как-то они это делают все более и более скромно: забвение пин-кода если не приводит к полной «амнезии» в том пространстве, где мы экзистуем (уже медиально-принудительно), то, во всяком случае, создает сбои, причем довольно трудно ликвидируемые, а восстановление исходных параметров иногда оказывается более трудоемким, нежели новая идентификационная процедура. Все наверно хоть раз в «жизни» забывали пароль своей электронной почты и «воочию» сталкивались с тем обстоятельством, что проще запустить процедуру т.н. восстановления (т.е. фактически «почти» новой идентификации), чем «вспомнить». Дело в том, что индивид в этом новом пространстве собирается одноразово, номадно и век его существования — вневременность мгновения. В этом отношении он повторяет судьбу своих «соседей» — вещей.

Итак, вначале запускаются процедуры расщепления. Но эти процедуры идут не по правилам старого дискурса, который, конечно, также имеет свои методы разгруппировки (процедуры анализа бывают разные: можно резать по правилам, а можно и по другим правилам, которые режут попутно и старые правила). И пример — стишок, «пародирующий» и «дописывающий» известный стишок Винни-Пуха, разрезанный на пять частей, вернее уже не стишок, а запись этого стишка.

Остается, понятно, самый главный вопрос. Разрезать-то разрезали, расщепить-то расщепили, а что дальше?

Дальше запускаются «машины» по сборке, собирая новую реальность нового глобального мира...

Мира, где нет уже старых, но таких привычных иерархически построенных конститутивов, где все объемное стремится к плоскости, где нет истории, но есть «реальное» время — или, как приветствовал меня один из моих знакомых, проводящий, как и вся молодежь сейчас, сутки за компьютером — «доброе время суток», где потому нет ночи и дня, но сплошное мерцание неоновых огней, дублирующее мерцание монитора. Где нет ненастья, но вечная весна, ибо земной шар, как стало известно (вернее известно было давно, но вот на уровне повседневных практик это доступно стало лишь недавно) в эпоху глобализации — круглый, а потому всегда можно найти весну или тот сезон, который милее сердцу, причем найти в «шаговой доступности», ибо расстояния уже не прошагиваются, но пролетаются, т.е. также уничтожаются. Где прежние модели идентификации уже не являются императивами для сборки из распавшихся фрагментов.

И лишь один пример подобной сборки — мое знакомство с одной выставкой финского медиарта. То, что подобное оказывается «прочувствовано» и презентировано в области художественных практик — дело в принципе обычное для искусства. Должно же оно, в конце-то концов, не только «радовать» нас красотой и оригинальностью. И надо сказать, что данный проект полностью иллюстрирует, по моему мнению, ту мысль М. Хайдеггера, что именно в искусстве творится истина, т.е. где сущее кажет себя так как оно есть само по себе (проект хайдеггеровской феноменологии).

Не только в том смысле, что «Башмаки» Ван Гога кажут мир крестьянства и в них слышен зов земли, но в том отношении, в каком знаменитые «банки» Энди Уорхола кажут истину сущего в эпоху массового производства: сериальные банки — сериальный мир — сериальное сущее — сериальный человек, наконец.

В этом горизонте того, что я увидел на выставке уже не только разбивка, сегментация реальности, но и явная демонстрация того, по каким моделям будет собираться (и уже собирается) глобальная реальность. Выставка была озаглавлена «Арктическая истерия». Само название довольно потешно, если вспомнить этимологию слова «истерия», как известно, означающую по-гречески «матку». Но, понятно, речь вовсе не шла о физиологии, но попытке собрать под единой шапкой финских мастеров фотографии и медиарта, а потому уже название выполняло роль «машины» для сборки той реальности, которая, в конечном счете, выкристаллизовалась в собрание работ финских современных художников. Да и модель существования — подобно передвижникам, но с «акцентом» на путешествие по странам и весям всего мира — напоминала немного растянувшийся по времени и пространству флэшмоб: чисто ситуационное единство. Но не это — сборка по довольно условному сценарию, путешествие выставки по всему миру, ибо вполне обычная процедура для художественного мира, но, кстати, все же процедура уже вполне глобализационная, хотя и опробованная еще до глобализации (в культуре это довольно привычный сценарий, когда зарождающаяся модель сначала «проигрывается» в одной сфере, а затем уже становится доминантой).

На выставке было много интересных работ, которые репрезентировали и проговаривали современную реальность и процедуры ее сборки, например, серия фотографий, где манифестировалась модель сборки «предметной космологии» — ряды бутылок, телевизоров, склянок, сувениров — ряд можно продолжить... Я же остановлюсь на медиаработах одной финской барышни, которая к тому же, будучи в Петербурге, что-то он них говорила (как всегда: художник должен рисовать☺). Имя этой барышни — Темирва Калейнен. Она на суд публики представила следующие работы:

Я обожаю свою работу.

Интервью с различными людьми в разных странах, которые рассказывают о том, как они любят свою работу. Общее собираемое в данном случае пространство, пространство, объединенное одним длинным и очень нудным фильмом о своей работе, описание прелестей, перипетий жизни «офисного планктона» и т.п. Реальность собирается через общую модель включения в процесс работы.

Страна грез.

Собраны рассказы тех финнов, которым «посчастливилось» увидеть во сне своего президента. Общность, собираемая подобным образом — общность «сновидцев».

И «финал-апофеоз»☺ —

Хоры жалобщиков.

Наиболее «прикольный» сюжет об общей платформе «всех времен и народов» — недовольство чем-то... Эдакая своеобразная «интенциональность», причем пропеваемое в стиле тех краев, откуда эти жалобщики родом. Подобных хором жалобщиков

по всему миру более сотни в разных странах. Собираются люди и на их «среднестатистические» жалобы накладывается музыкальный ряд (с колоритом, конечно, национальной идентичности). Объединять людей можно, как мы видим, и с помощью фигуры стенания, жалобы, принявшей гротескный вид.

Теперь посмотрим, что же позволяет мне говорить, что в этих «опусах» г-жи Темирвы Калейнен глаголет истина? Дело в том, что здесь в «чистоте» представлена модель разборки и сборки современной реальности. Вначале она, эта реальность сегментируется (блок- работа, блок-сны о президенте, блок жалобы). Потом этот блок становится основанием для сборки новой реальности, конечно реальности довольно клипового типа. Итак, — реальность сегментируется ситуационно. Жалоба, работа, предметы, сны... ряд можно продолжить... без привязки к иерархической системе координат. Просто «выборка», которая запускается как инструмент кластеризации реальности и дальнейшей его сборки, достаточно случайная с точки зрения прежних моделей для сборки реальности, т.е. не поддерживающая «доглобализационные» иерархические системы, например, истории, государства, национальности и т.п. А потом весь универсум выстраивается единообразно по этим новым сценариям. В этом отношении в этом новом универсуме нет традиционной скрепы смысла, по крайней мере, того, к которому привыкли иерархические системы. Новый смысл антииерархичен и, кроме того, глобален, он выстраивает новые связи и конституирует новую реальность.

Несколько слов в заключение о тех конститутивах-параметрах, которые задают модель новой сборки реальности, и соответственно, запускают процедуры смыслонаделения. То есть речь идет о том, что в этой глобальной и все более и более привычной и повседневной реальности, приводит сущее к его бытийствованию.

Это, как видно на примере сюжетов выставки, то сущее, которое прикольно, которое обладает «чистой» новизной, которое способно вызвать шок, что и бросается в глаза и запоминается в своей необычности и даже алогичности. Т.е. это то, что мы можем маркировать как журналистский подход к реальности, по крайней мере, именно по домену журналистики уже давно эти параметры внедряются как конститутивы не только в сюжеты журналистского внимания, но и как те позиции, которые высвечиваются в реальности, т.е. то, что становится зримым и нормативно зримым в «хаосе» и «темноте» многообразного сущего.

Журналистика оказывается онтически значимой по следующим резонам, «дарующей» ей именно культуронтические преференции. Дело в том, что специфика современного этапа глобализационного выравнивания — это наличие особой медиальной среды, все более и более становящейся мультимедийным интернет-пространством. «На деле» это означает, что любое наше существование, любой жест, любое желание с необходимостью вынуждены «проходить» через это пространство. Пример довольно обычной ситуации высветит «кинтригу» происходящего: наличие у покупателя традиционных денег перед кассой в магазине, товара, продавца отнюдь не гарантирует успешную покупку, если необходимый ныне «участник» коммуникации, а именно «компьютеризированный» кассовый аппарат, «завис». С точки зрения «архаичной»

модели покупки все необходимые ингредиенты ситуации налицо: покупатель, деньги, продавец, товар. Но вклинившийся в процесс «компьютер», а вернее его сбой лишают действенности прежний состав участников акта покупки недееспособными, а сам акт — невозможным. Фактически это означает, что любое наше желание, поступок, намерение и т.п. должны быть «уподоблены» и отформатированы указанной медиальной средой. Подобное обстояние дел трансформирует модель нашего экзистирования, соответственно, изменяет само наше сознание, поскольку предпочтения и развитие получают лишь те формы и размерности, которые «заточены» под новое медиальное пространство. А потому происходит мутирование реальности в реал, т.е. новое форматирование реальности культуры, онтическое алиби которого лежит в медиальной сфере.

Как раз на указанном обстоятельстве и основывается тот привилегированный статус журналистики, о котором уже говорилось. Журналистика задает параметры, которые контролируют и выстраивают современную медиальную сферу. Конечно, не журналистика только выстраивает этот мир, осуществляющий перекодировку реальности в реал, но журналистика «во первых» строках. Дело в том, что именно журналист задает формат и, по сути, определяет, какое сущее и каким образом должно быть «внедрено» в реальность, стать зримым, перейдя из недифференцированного «потока» сознания в тематизированную, схваченную и удержанную как феномен сферу, создавая «видимый» спектр реальности-реала.

В этом отношении журналист, несмотря на постоянные упреки в изначальной непрофессионализме этой профессии, выступает экспертом, который номинирует сущее на его бытийствование, причем при этом задает формат этого бытийствования. Мир все больше потому становится похожим на броскую, негативную и подчиняющуюся динамике новостей, реальность. Конститутивы, которыми форматировается журналистика, отныне конститутивы не отдельной сферы жизнедеятельности, которые ранее подчас оказывались слишком далеки от реальности, отражая, как, например, в социалистическом мире или в ситуации военных действий идеологические установки, а теми конститутивами, согласно которым и происходит форматирование и конституирование реальности.

Таким образом, мы видим, что то, что «проигрывается» в художественном проекте, пускай не самом оригинальном и выдающемся, высвечивает конститутивы, которые, журналистские по своему стилю, задают параметры современной перекодировки реальности, сначала расщепляемой, а потом, собираемой новыми «машинами для сборки» реальности...

И не беда, что в результате получается: в «голове опилки»... ибо в современности онтически блондинка — более весома, чем все тома Хайдеггера или Шестова...ДА..ДА...